

Экокритика

Тимоти Мортон

VERSUS

Тимоти Мортон. Университет Уильяма Марша Райса (Rice University), Хьюстон, США, tbm2@rice.edu.

Задача разрабатываемого автором проекта «экологии без природы» заключается в том, чтобы с помощью идей деконструкции противодействовать господствующим нормативным представлениям о природе во имя наделенных чувствами существ, страдающих в катастрофических экологических условиях. Тимоти Мортон видит в самой идее природы одно из препятствий на пути к истинно экологическим политике, этике, философии и искусству. Он призывает к тщательному изучению того, как природа определяется в качестве трансцендентальной, единой и независимой категории. Исследование того, как искусство представляет окружающую среду, позволяет увидеть, что «природа» — это произвольный риторический конструкт, лишенный действительно независимого бытия за пределами или по ту сторону текстов о природе. Сама по себе риторика природы зависит от эмбиентной поэтики, то есть от способа вызывать чувство окружающей атмосферы или мира посредством текста. Мортон показывает, что люди в разные периоды времени вкладывали в понятие «природы» разнообразные идеологические смыслы; историзация этой поэтики делает очевидным, что она лишена всякого внутреннего бытия или самостоятельной ценности. История эмбиентной поэтики зависит от определенных форм идентичности и субъективности, которые также являются историческими. Не останавливаясь на историзации, автор призывает к политизации экологического искусства и использованию риторического эффекта «природы» с целью укрепления энвайронментализма. Экологическое мышление, к которому призывает Мортон, не оперирует «природой» как неким готовым, идеологическим понятием, оказываясь, таким образом, экологией «без природы». С другой стороны, непонятный образ в экологической литературе может быть убедительной точкой притяжения для интенсивной понятийной системы, — а именно идеологической.

Ключевые слова: *экокритика; «экология без природы»; эмбиентная поэтика; деконструкция; романтизм.*

Перевод с английского *Дмитрия Кралечкина* по изданию: *Morton T. Ecology without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics.* Cambridge: Harvard University Press, 2007. P. 11–28.

ЧТОБЫ иметь среду, у вас для нее должно быть пространство; чтобы иметь *идею* среды, вам нужны идеи пространства (и места). Если мы на мгновение поставим наши идеи о природе на паузу, вместо того чтобы вводить их слишком рано, — все равно они вызывают у нас раздражение, — возникнет более ясная картина того, что же, собственно, представляет собой идея «среды». Это не означает, что, если вы удалите кроликов, деревья и небоскребы, останется что-то такое, что можно назвать средой. Вместо того чтобы сваливать в кучу разные вещи по списку и называть эту кучу «природой», наша цель — замедлиться и разобрать этот список, поставив под вопрос саму идею его составления. [Программа] «экологии без природы» вполне серьезно относится к представлению о том, что истинная теоретическая рефлексия возможна только тогда, когда мышление замедляется. Это не то же самое, что оцепенение или оглушение. Скорее, речь об обнаружении аномалий, парадоксов, затруднений в потоке идей, который во всех остальных отношениях может казаться гладким. Подобный процесс замедления часто эстетизировался. Когда его называют «медленным чтением», считается, что он оказывает на читателя терапевтическое воздействие, напоминая в этом медитацию. Как и многие другие формы критической мысли, экокритика располагает своим канонам произведений, которые считаются самым лучшим лекарством. И хотя «Экология без природы» расширяет наше представление об экологической литературе, включая в ее круг тексты, которые обычно к таковой не относили, она тоже может отстаивать такой «врачебный» подход, пусть и другими способами. Сам процесс чтения, неважно, каков его материал, может считаться целительным бальзамом. Но в конечном счете теория (и, если уж на то пошло, медитация) не обязана делать вас «лучше», что бы под этим ни понималось. Она должна выявлять лицемерие или, если угодно, исследовать то, как идеологические иллюзии сохраняют свою власть. Соответственно, «Экология без природы» — не попытка быть медленнее медленного или перещеголять черепаху медленного чтения в своего рода антигонке по направлению к эстетическому состоянию медитативного спокойствия, которое мы могли бы связать (правда, ошибочно) с некоей «экологической осознанностью». Особенно это важно потому, что экологическая этика может основываться на эстетическом медитативном состоянии, например на «ценящем слушании», которое, как надеется Мишель Серр, должно заменить

«господство и обладание»¹. И эта этика эстетики в целом неплохо себя зарекомендовала в недавних работах таких авторов, как Элен Скарри².

Задача вообще не в том, чтобы достичь какого-то особого состояния сознания. Скорее, в том, чтобы противодействовать господствующим нормативным представлениям о природе, но делать это во имя существ, чувствующих и страдающих в катастрофических экологических условиях. Я говорю это со всем уважением к глубинным экологам, которые полагают, что людей, представляющих собой всего лишь вирусную инфекцию этой планеты, в какой-то момент просто сдует чихом, смоем волной вымирания, и что в конечном счете мы можем просто спокойно и расслабленно сидеть — или же ускорить нашу собственную отставку; или, наконец, поступать так, словно бы мы вообще не имели никакого значения.

Истинному теоретическому подходу непозволительно высокомерно дистанцироваться от той области, которую он исследует. Он должен быть переплетен с этой сферой. Было бы слишком легко занять позицию, которая отрицает все остальные, это было бы наивной негативной критикой, которая сама является вполне конкретной позицией, пусть и замаскированной. Слишком легко придирается к чужим желаниям, маскируя при этом свои собственные взгляды. Это не только интеллектуальная, но и политическая позиция, к которой экологическое мышление действительно весьма склонно. Вслед за Гегелем, я буду называть ее *синдромом прекрасной души*. «Прекрасная душа» умывает руки, стряхивая с них порочный мир и отказываясь допустить то, что именно в этом воздержании и отвращении он или она участвует в сотворении этого мира. Измученная миром душа удерживает все убеждения и идеи на определенной дистанции. Но единственный этичный вариант — замараться. Поэтому я предлагаю собственный взгляд на экологию и экокритику, и не только косвенно, в планомерной критике других взглядов, но и как нечто самостоятельное.

Временами я оказываюсь близок к идее Гегеля о том, что искусство после романтизма было превзойдено философией, — или же к идее Оскара Уайльда о том, что критика ныне

1. *Ferry L. The New Ecological Order. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 71.*

2. См., например: *Scarry E. On Beauty and Being Just. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999.*

сама является лучшим способом сказать нам, каково наше положение³. Но я не готов занимать безапелляционную позицию, предпочитая вместо этого предлагать определенные способы мышления, созидания, практики экологического искусства, политики и философии. Экокритика слишком уж замешана в идеологии, которая штампует стереотипные идеи природы, чтобы от нее была хоть какая-то польза. На самом деле экокритика с трудом отличается от литературы о природе как отдельного жанра, который является ее предметом. Я хочу развить представление о том, что могла бы означать «настоящая критика».

Тимоти Люк применяет термин «экокритика» для определенных форм левой экологической критики⁴. Я же использую этот термин в более рефлексивной манере, нежели Люк. Экокритика критична и самокритична. Это и есть подлинный смысл критики, диалектическая форма критики, которая обращается на себя саму. Так понятие *Kritik* понималось Франкфуртской школой. Критика в весьма политизированной манере указывает не только на общество, но и на саму себя. Всегда можно пойти еще дальше. Экокритика пропитана представлениями, общими для других разделов гуманитарных наук, например о расе, классе и гендере, которые, как ей известно, тесно связаны с экологическими вопросами. Экокритика бесстрашно применяет идеи деконструкции на благо экологии, вместо того чтобы, как это слишком часто бывает, бичевать мертвую лошадь «постмодернистской теории». Экокритика похожа на квир-теорию. Ради всего того, что мы ценим в идее «природы», она досконально исследует то, как природа определяется в качестве трансцендентальной, единой и независимой категории. Экокритика не считает парадоксом то, что во имя самой экологии надо сказать: «долой природу!».

Главный лозунг экокритики — «не надо бояться нетождественности». Если позаимствовать один из аргументов Теодора Адорно, представителя Франкфуртской школы и одного из ориентиров данного исследования, процесс мышления — это, по сути, встреча с нетождественностью⁵.

3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. Т. 1. М.: Искусство, 1986. С. 84–87; Уайльд О. Критик как художник. М.: РИПОЛ классик, 2017.

4. Luke T. W. *Ecocritique: Contesting the Politics of Nature, Economy, and Culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. P. XI–XIII.

5. Ср.: «Диалектика — это последовательное логическое осознание нетождественности» в: Адорно Т. *Негативная диалектика*. М.: Научный мир, 2003. С. 15; см. также: С. 135–140.

Если это не так, тогда это просто манипуляция заранее выданными фишками на готовой доске. Именно так Гегель и отличал диалектическое мышление от простой логики⁶. Должно быть движение, по крайней мере от А к не-А. В любой момент мысль может удариться головой о то, чем она не является. Мышление должно «куда-то идти», хотя неясно, дойдет ли оно до чего-то особенно прочного. Эта встреча с нетождественностью, если рассмотреть ее в полной мере, имеет глубокое значение для экологического мышления, этики и искусства. Нетождественность имеет свою родословную и в литературе о природе. Питер Фритцел проводит различие между наивно миметическими формами литературы о природе и рефлексивными. В последних «„то, на что на самом деле была похожа природа“, — часто не то, на что она была похожа на самом деле (или, если уж на то пошло, на то, чем она является)»⁷.

Уроки естественной истории

Одна из идей, тормозящих истинно экологическую политику, этику, философию и искусство, — это сама идея природы. Природа, трансцендентальное понятие в материальном обличении, стоит в конце потенциально бесконечной серии других понятий, которые все в него проваливаются, — серии, которая известна также под названием метонимического списка: рыба, трава, горный воздух, шимпанзе, любовь, содовая вода, свобода выбора, гетеросексуальность, свободные рынки... Природа. Метонимическая серия становится метафорой. Письмо закликает это понятие, славящееся своей скользкостью, которое только на руку различным идеологиям, и отказывающееся от какой бы то ни было упорядоченности⁸. Однако упорядоченность — и есть самое главное в природе, хотя и на другом уровне. Когда мы говорим, что нечто неестественно, это значит, что оно не соответствует «норме», «тому нормальному», которое встроено в саму основу вещей, в то, как они есть. Поэтому «природа» занимает по меньшей мере три места в символическом языке. Во-пер-

6. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 22–23, 27–29, 32.

7. Fritzell P. Nature Writing and America: Essays upon a Cultural Type. Ames: Iowa State University Press, 1990. P. 87.

8. Здесь полезным остается исследование Рэймонда Уильямса: Williams R. Nature//Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. L.: Fontana Press, 1988. P. 219–224. См. также статью Ecology (Ibid. P. 110–111).

вых, это просто пустое место, куда могут помещаться самые разные понятия. Во-вторых, она обладает силой закона, нормой, которой меряется отклонение. В-третьих, «природа» — это ящик Пандоры, слово, которое заключает в себе потенциально бесконечную серию разрозненных вымышленных объектов. Именно этот третий смысл — природы как фантазии — нас интересует более других. «Дисциплина» погружения в те пятна Роршаха чужого удовольствия, которые мы привычно называем стихотворениями, похоже, является весьма подходящим способом начать разбираться с тем, как «природа» вызывает чувства и как она внушает убеждения.

Природа зависает между божественным и материальным. Не будучи ни в коей мере чем-то «естественным», она парит над вещами подобно призраку. Она проскальзывает по бесконечному списку вещей, которые напоминают о ней. Поэтому она в чем-то похожа на «субъекта», — того, кто ищет во всей вселенной свое отражение, но нигде не находит. Если природа — просто еще одно наименование высшей власти, тогда почему бы не назвать ее Богом? Но если этот Бог не существует вне материального мира, тогда почему бы не назвать ее просто материей? Такова была политическая дилемма, которая в Европе в XVIII веке стояла перед Спинозой и деистами⁹. В XVIII столетии быть «открытым» атеистом было весьма опасно, о чем свидетельствуют завуалированные замечания Юма и все более осторожный подход Перси Шелли, которого выгнали из Оксфорда за публикацию памфлета об атеизме. Бог часто вставал на сторону королевской власти, а потому поднимающаяся буржуазия и связанные с ней революционные классы искали другой способ обладания властью. «Экология без природы» означает в том числе и то, что мы пытаемся соприкоснуться с некоторыми из сильных понятий, которые природа оттесняет на задний план.

Экологическое письмо зачаровано идеей чего-то такого, что существует между полярными терминами, — Богом и материей, этим и тем, субъектом и объектом. Здесь мне представляется полезной критика идеи эфира у Джона Локка. Она была выдвинута на раннем этапе формирования современной конструкции пространства как пустого мно-

9. Рассказ о злоключениях спинозизма см. в: *Israel J. Radical Enlightenment: Philosophy and the Making of Modernity 1650–1750*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 157–327.

жества точечных координат¹⁰. Многочисленные дыры в материалистических атомистических теориях заполнялись той или иной стихией. Ньютонская гравитация работала благодаря окружающему все и вся *эфиру*, который мгновенно передавал свойства твердых тел, по аналогии с любовью вездесущего Бога (или же как один из ее аспектов)¹¹. Если эфир — своего рода «окружающая жидкость», которая окружает все частицы и существует «между» ними, тогда что же окружает частицы самой этой окружающей жидкости?¹² Если природа — прослойка, зажата между такими терминами, как Бог и материя, какой же медиум удерживает естественные вещи зажатыми вместе? Природа, похоже, является одновременно и салатом, и майонезом. Экологическое письмо тасует туда-сюда субъекта и объекта, так что мы можем решить, что они растворились друг в друге, хотя в итоге мы обычно оказываемся с размытым пятном, которое я имею «средой» (*ambience*).

Позже в Новое время возникла идея национального государства как способ выйти за пределы власти монарха. Нация слишком часто зависит от того самого списка, который отсылает к идее природы. *Природа* и *нация* (или народ) очень тесно связаны. Я покажу, как экокритика могла бы изучать то, что природа не обязательно выводит нас за пределы общества, но составляет на самом деле основу националистического удовольствия. Природа, в Средние века являвшаяся едва ли не синонимом зла, в романтическую эпоху стала считаться основанием общественного блага. По мысли многих авторов, таких как Руссо, основатели общественного договора начинают с природного состояния. Но не ускользнул от внимания и тот факт, что это состояние не слишком отличается от «каменных джунглей» реальных исторических обстоятельств.

В период Просвещения природа стала способом установления расовой и сексуальной идентичности, тогда как наука — главным способом ее доказательства. Нормальное было задано в качестве отличающегося от патологического в координатном пространстве *естественного* и *неестествен-*

10. Casey E. The Fate of Place: A Philosophical History. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 162–179.

11. Ibid. P. 77, 98, 142–150.

12. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 359–360.

ного¹³. Природа, ставшая к тому моменту научным термином, кладет конец спору или рациональному исследованию: «Ну, просто такова моя природа». Он — пленник идеологии, а вы — предрассудков, но мои идеи естественны. Так, метафорическое применение идей Томаса Мальтуса в работах Чарльза Дарвина позволило натурализовать — и по-прежнему натурализует — действие «невидимой руки» свободного рынка и «выживания самого приспособленного», под которым всегда подразумевается конкурентная война всех (собственников) против всех (рабочих). Мальтус использовал идею природы, чтобы оспорить сохранение первых зачатков социального обеспечения в одном документе, составленном для тогдашнего правительства. К сожалению, такая форма мышления ныне используется теми, кто якобы обладает экологическим мышлением, когда они борются с «ростом населения» (и иммиграцией), чтобы вогнать немощных в бедность еще глубже. Природа, косвенно схватываемая благодаря превращению метонимии в метафору, становится окольным способом говорить о политике. То, что представляется прямым, «немаркированным», бесспорным, в действительности само искажено.

Одна из основных проблем с природой в том, что она может рассматриваться либо как *субстанция*, то есть мягкотелая вещь в себе, либо как *сущность*, то есть абстрактный принцип, который трансцендирует материальную сферу и даже сферу репрезентации. Эдмунд Бёрк рассматривает субстанцию в качестве материи природы в своей работе о возвышенном¹⁴. Такой «субстанциализм» утверждает, что существует по меньшей мере одна реально существующая вещь, которая воплощает в себе возвышенное качество (простор, ужас, великолепие). Субстанциализм обычно защищает монархистское или авторитарное представление о том, что существует некая внешняя вещь, которой субъект должен поклоняться. Тогда как главным защитником эссенциализма (отсылающего к сущности, а не к субстанции) оказывается Иммануил Кант. Возвышенная вещь никогда не может быть представлена, по словам Канта, более того, в некоторых религиях есть запрет на подобные по-

13. Эта тема постоянно присутствует у Кангилема и Фуко. См.: *Canguilhem G. The Normal and the Pathological*. N.Y.: Zone Books, 1991. P. 233–288.

14. Бёрк Э. *Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного*. М.: Искусство, 1979. См.: *Кант И. Критика способности суждения*. М.: Искусство, 1994. С. 148–149.

пытки представления (например, в иудаизме и исламе). Такой эссенциализм оказывается в политическом отношении освободительным, он встает на сторону революционного республиканизма¹⁵. В целом в литературе о природе, в ее предшественниках и родственных жанрах, особенно в феноменологических или романтических текстах, предпочтение обычно отдавалось субстанциалистскому представлению о природе — природа ощутима, и ее действительно можно обнаружить «где-то там» — независимо от того, какой декларативной политики придерживались разные авторы. Дальнейшая работа в области экокритики должна выделить не-субстанциалистскую контртрадицию, которая проходит через работы таких авторов, как Мильтон и Шелли, с их точки зрения, природа не означает власти, которой вы должны принести в жертву свою автономию и разум.

Экологические формы субъективности неизбежно предполагают идеи и решения о *групповых* идентичности и поведении. Субъективность — не просто индивидуальный и уж точно не индивидуалистический феномен. Это феномен коллективный. Экологическое письмо — способ отображения чувства окруженности другими или, говоря абстрактнее, инаковостью, тем, что не является тобой самим. Хотя оно может отодвигать в сторону реальный социальный коллектив, принимая решение писать вместо него об окружающих горах, такие смещения всегда что-то говорят о тех типах коллективной жизни, что рассматриваются экологическим письмом. Фредрик Джеймисон указывает на то, что критика должна работать с идеями коллективности:

Всякий, кто указывает на предельную ценность сообщества или коллективности, занимая при этом левую точку зрения, должен рассмотреть три проблемы: 1) как радикально отличить эту позицию от коммуитаризма; 2) как отличить коллективный проект от фашизма или нацизма; 3) как соотнести социальный уровень с экономическим, то есть как применять марксистский анализ капитализма для доказательства нежизнеспособности социальных решений в рамках этой системы. Что касается коллективных идентичностей, в тот исторический момент, в который личная идентичность была разоблачена в качестве децентрированного локуса множественных позиций субъекта, требовать

15. Кант И. Указ. соч. С. 145–146.

подобной концептуализации и на коллективном уровне — определенно не значит требовать слишком многого¹⁶.

Идея среды — это в общем-то способ рассматривать группы и коллективы, то есть людей в окружении природы или в смежности с другими существами, такими как животные и растения. Эта идея — идея со-бытия. Но как недавно указал Латур, реальная ситуация является коллективной в гораздо более радикальном смысле. Все виды сущего, от токсичных отходов до морских слизней, — требуют нашего научного, политического и художественного внимания, и все они стали частью политической жизни — вопреки монолитным концепциям Природы¹⁷. Писать об экологии — значит писать об обществе, и не только в том слабом смысле, что наши идеи экологии — социальные конструкты. Исторические условия уничтожили внесоциальную природу, к которой могут апеллировать теории общества, и в то же самое время существа и вещи, которые подпадают под эту рубрику природы, стали все настоятельнее посягать на общество.

Различные образы среды соответствуют разным типам общества. Субстанциалистские образы осязаемой и определенной «природы», воплощенной по крайней мере в одном реально существующем феномене (определенном биологическом виде или фигуре), порождают авторитарные формы коллективной организации. Глубинно-экологический взгляд на природу как некую материальную и осязаемую сущность тоже тяготеет к этому. Эссенциалистские представления о природе, которую невозможно изобразить, поддержали более эгалитарные формы. Было бы очень неплохо, если бы экокритика просто обратила внимание на то, что существовали и другие модели природы. Например, республиканская (с маленькой буквы «р») поэтика, возникшая благодаря таким писателям, как Мильтон, в малоизвестной истории радикального энвайронментализма Английской революции, содержит в себе иконоборческие фигуры среды, которая трансцендирует дискретные формы репрезентации¹⁸. Другие политические формы запрещают со-

16. Jameson F. Globalization and Political Strategy // *New Left Review*. 2000. № 4. P. 49–68 (68).

17. Латур Б. Политики природы: как привить наукам демократию. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 12–15, 34–36.

18. См., например, описание иных миров в: Мильтон Дж. Потерянный рай. Возвращенный рай. М.: Наука, 2006. С. 218.

здавать застывшие образы природы. В противоположность сентиментальному органицизму, возникшему из беркианских идеологий класса и традиции, мы должны мыслить среду более открыто и рационально, чувственно, но в ином смысле. Исследование иконоборческих представлений пространства и мира раскрывает новые способы мышления и созидания. Доказательство того, что есть по крайней мере другие виды фантазийных образов естественного, могло бы оживить экологическое мышление. Но экокритика на этом не останавливается.

Субстанция и сущность отличаются друг от друга странным образом. Невозможно найти понятие, которое включало бы в себя их обеих. Если мы скажем, что субстанция и сущность абсолютно отличаются друг от друга, значит мы подписались под *субстанциализмом*, то есть признаем, что субстанция и сущность — это две совершенно разные «субстанции». С этой точки зрения, сущность и субстанция — это как в огороде бузина, а в Киеве дядька. Если же, с другой стороны, мы скажем, что сущность и субстанция различаются так же, как черное и белое, или как низ и верх, тогда мы переходим к *эссенциалистскому* взгляду: субстанция и сущность не отличаются друг от друга во всем и везде, но соотносятся друг с другом в противопоставлении. Например, субстанция вещей, с этой точки зрения, — это просто вариант их атомной структуры или кода ДНК. Субстанция воплощена по крайней мере в одной вещи, но не в других. Сущность же не может воплощаться. Природа желает быть одновременно субстанцией и сущностью. Она раскрывает различие между этими понятиями и в то же самое время стирает все эти различия. Она одновременно деревья и лес — и сама *идея* деревьев (греческое *hyle*, материя, древесина).

Чем больше мы ее изучаем, тем больше понимаем: дело не только в том, что у многих разных людей много разных мнений о природе, но и сама по себе природа мерцает между вещами — она и/и или не/не. Это мерцание сказывается и на том, как мы о ней пишем. Природа — это... животные, деревья, погода... биорегион, экосистема. Это и множество, и содержание множества. Это и мир, и вещи в этом мире. Она кажется призраком, который никогда не добирается до конца бесконечной серии: крабы, волны, освещение, кролики, кремний... Природа. Если не природа, то что еще может быть естественным? Однако мы не можем на нее указать. Обычно мы получаем многозначительное, но неясное указание на нечто, «Чье обиталище — лучи заката, / И оке-

ан, и животворный воздух, /И небо синее, и ум людской», как замечательно сказано об этом у Вордсворта¹⁹. Природа становится сверхъестественной, как было убедительно показано в проведенном Джоном Гаттой исследовании истории пуританских идей о природе, в том числе дикой (хотя Гатта и не занимается более радикальными пуританскими возможностями диггеров²⁰, мистикой Якоба Бёме и вегетарианца Томаса Трайона)²¹. Или же природа растворяется, и мы остаемся с простой материей и с последовательностью идей, включающей несколько ярких моментов радикальной материалистической философии, таких как у Спинозы. Мы хотим, чтобы было что-то между. Но будет ли оно естественным? А может сверхъестественным? Возможно, сверхъестественным, как дух — то есть как утонченная сущность — или же как призрак, то есть нечто более субстанциальное, возможно, состоящее из эктоплазмы? Мы можем уточнять бесконечно. Наше путешествие к середине, к «промежуточному» пространству, как его ни назови, будет постоянно порождать бинарные пары, и мы всегда будем оказываться то на одной стороне, то на другой, упуская то, что в самом центре. И не важно, что это — материалистическая духовность или духовный материализм. Мышление полагает «где-то там» нечто такое, что сохраняет свою таинственную притягательность.

С эпохи романтизма природа использовалась для обоснования капиталистической теории стоимости и в то же время для ее подрыва; для определения безусловно человеческого и исключения человека; для урока доброты и сострадания и в то же время для оправдания конкуренции и жестокости; легко понять, почему М. Г. Абрамс написал книгу о романтической поэзии под названием «Естественный сверхнатурализм». Короче говоря, с самого момента своего изобретения природа оказывалась на обеих сторонах уравнения. «Экология без природы» выводит природу из уравнения, исследуя то, как литература пытается ее заковать. Мы увидим, как природа всегда ускользает от нас в том самом акте, в кото-

19. Вордсворт У. Строки, написанные на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства при повторном путешествии на берега реки Уай/Пер. В. Рогова // Избранная лирика: Сборник. М.: Радуга, 2001.

20. Диггеры — движение религиозных и политических инакомыслящих в Англии XVII века, называвших себя «Истинные Левеллеры» (*True Levellers*). — Прим. ред.

21. Gatta J. Making Nature Sacred: Literature, Religion, and Environment in America from the Puritans to the Present. Oxford: Oxford University Press, 2004.

ром мы ее схватываем. Именно тогда, когда кажется, что письмо растворяется перед безусловной реальностью, которую оно описывает, на самом деле письмо перевешивает то, что оно изображает, так что становится невозможным найти что бы то ни было за его непрозрачной текстурой. Даже когда природа размечает промежуточную территорию «между» субъектом и объектом, внутренним и внешним, она обязательно исключает определенные термины, тем самым иначе воспроизводя различие между внутренним и внешним²². Именно тогда, когда она приближает нас к нечеловеческому «другому», природа заново утверждает удобную дистанцию между «нами» и «ими». С такими экологическими друзьями кому нужны враги?

Некоторые обвинят меня в том, что я постмодернист, имея в виду, что я полагаю, будто мир сделан из текста и что нет ничего реального. Но это как нельзя более далеко от истины. Идея природы слишком реальна, и она оказывает слишком реальное воздействие на более чем реальные убеждения, практики и решения в более чем реальном мире. Конечно, я утверждаю, что нет такой «вещи», как природа, если под природой мы имеем в виду нечто уникальное, независимое и устойчивое. Однако ошибочные идеи и идеологические фиксации существуют. «Природа» — фокальная точка, которая заставляет нас принимать определенные установки. Идеология заключается в принимаемой нами установке по отношению к манящему объекту. Растворяя этот объект, мы обессиливаем идеологическую фиксацию. По крайней мере, в этом наш план.

Экокритический взгляд на «постмодернизм», для которого шибболетом была «теория», во многом родственен английскому неприятию Французской революции и во многих отношениях прямо произведен от него²³. Считается, что «теория» холодна и абстрактна, оторвана от реальности²⁴. Она загоняет органические формы в циркуляр, который им не подходит. Она слишком склонна к расчетам и слиш-

22. Деррида Ж. *Насилие и метафизика*//Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 226–228.

23. Simpson D. *Romanticism, Nationalism and the Revolt against Theory*. Chicago: University of Chicago Press, 1993. P. 4, 10, passim.

24. Полезное обсуждение экокритического взгляда на «теорию» см. в: *Hottem T. The Picturesque and the Production of Space: Landscape Description in an Age of Fiction* (Ph.D. dissertation, University of Rochester, 2003). P. 36; *Phillips D. Ecocriticism, Literary Theory, and the Truth of Ecology*//*New Literary History*. 1999. Vol. 30. № 3. P. 577–602 (578).

ком рациональна. «Постмодернизм» — просто самая поздняя версия этого печального положения вещей. Конечно, английская позиция, противостоящая французской, тоже представляла собой абстракцию, поскольку мы сами взяли отрицать историю, которая уже произошла, — например, обезглавливание Карла I.

Академики наиболее интеллектуальны тогда, когда они антиинтеллектуальны. Ни один уважающий себя крестьянин не будет вести себя так, как Альдо Леопольд или Мартин Хайдеггер. Что может быть более постмодернистским, нежели профессор, рефлексивно выбирающий социальный и субъективный взгляд, например взгляд крестьянина? Что может быть более постмодернистским, нежели экокритика, которая, не будучи ни в коей мере наивной, сознательно решает не обращать внимания на любые интеллектуальные процессы последних тридцати лет, особенно на феминизм, антирасизм, антигомофобию и деконструкцию (хотя и не обязательно на всех них сразу)? И если администрации Рейгана и Буша попытались перезапустить 1950-е, словно бы 1960-х никогда не было, то экокритика обещает вернуться к академии прошлого. Это своего рода ретро-постмодерн.

Если экокритикам не нравится то, что я говорю, не понравится оно и постструктуралистам. Постструктурализм — критика, которая поступает так, словно бы 1960-е *действительно* произошли, — имеет свои собственные взгляды на природу, хотя, возможно, не именует ее с той же прямоотой. Дело лишь в том, что эти взгляды считаются более утонченными, чем предшествующие. Фундаментальный поиск чего-то «между» такими категориями, как субъект и объект, факт и ценность, по-прежнему продолжается. Существует классовое разделение между объектами наслаждения читателей с одной стороны, экокритических и консервативных, и, с другой, — постструктуралистских и радикальных. Если экокритики предпочитают стиль альманаха, как у Альдо Леопольда, дополненный уютными иллюстрациями, то постструктуралисты предпочитают новейшие альбомы какого-нибудь диджея, работающего в стиле техно-эмпбиента. Это, возможно, не Бетховен, но это все равно уместно для вечеринки или открытия выставки, может быть даже уместнее. Леопольд и группа *The Orb* — это, если следовать экокритике, на самом деле две стороны одной медали. Произведения искусства — не важно, интеллектуальные они или простецкие, инсталляции или пасторальные симфонии, — демонстриру-

ют то, что я называю экомимезисом. Самогон или шардоне, ретро или футуризм — все это один и тот же экомимезис.

Постмодернизм увяз в эстетизме. Он замораживает иронию в эстетической позе. Когда я предлагаю отказаться от понятия природы, я говорю, что нам надо *на самом деле* от него отказаться, а не просто попытаться наспех придумать «новые и улучшенные» решения, новую форму языка рекламы. Ключевое слово здесь — «без». В связи с чем вспоминаются глубокие размышления Деррида о «без», *sans*, в его работах о негативной теологии. Деконструкция не ограничивается замечанием о том, что нечто существует, пусть даже в «гиперэссенциальном» смысле, по ту сторону бытия. И она в то же время не ограничивается утверждением, что вещи не существуют²⁵. «Экология без природы» — это неустанное вопрошание сущности, а не нечто особенно новое. Иногда утопический язык той же Донны Харауэй устремляется к таким наспех построенным идеям, как «прирокультура»²⁶. Эти не-природы все еще являются природой, основанной на многообещающих интерпретациях только-только формирующихся идей в таких дисциплинах, как философия, математика и антропология, — идей, которые оказываются в высшей степени эстетическими.

Чтобы действительно избежать ловушек постмодернизма, по-настоящему критическая экокритика должна в полной мере взаимодействовать с теорией. Если мы рассмотрим нетеологический смысл природы, он совпадет с *непостоянством и историей* — то есть двумя способами сказать одно и то же. Формы жизни постоянно приходят и уходят, мутируют и вымирают. Биосферы и экосистемы подвержены процессам возникновения и исчезновения. Живые существа не образуют устойчивого доисторического или внеисторического основания, на котором разыгрывается человеческая история. Но к идее природы часто обращаются именно для того, чтобы рассудить, что мимолетно, а что субстанциально и постоянно. Природа размазывается по неравномерной истории, так что ее борьба и страдания становятся неразборчивыми. Учитывая то, что изрядная часть экокритики и экологической литературы склонна к примитивизму, иро-

25. Derrida J. How to Avoid Speaking: Denials//S. Budick, W. Iser (eds). *Languages of the Unsayable: The Play of Negativity in Literature and Literary Theory*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996. P. 3–70.

26. Haraway D. *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness*. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2003.

ния видится в том, что туземные общества часто говорят о природе как переменчивом трикстере, а не устойчивом основании. Последнее слово естественной истории в том, что *природа — и есть история*. «У природно-прекрасного, якобы вычлененного из истории, есть свое историческое ядро»²⁷.

Зачем нужна природа

«Экология без природы» начинается с подробного исследования того, как искусство представляет среду. Это помогает нам понять, что «природа» — произвольный риторический конструкт, лишенный действительно независимого бытия за пределами или по ту сторону создаваемых нами текстов о природе. Риторика природы зависит от того, что я иногда называю эмбиентной поэтикой, то есть от способа вызывать чувство окружающей атмосферы или мира. В этом моя аргументация следует недавней работе Ангуса Флетчера о новой американской поэтике экологической среды²⁸. Его убедительная мысль о том, что длинные и витиеватые строки Уитмена и его последователей определяют способ дотянуться до горизонтов и перешагнуть через них, создавая при этом открытую идею природы, — ценная концепция определенной формы поэтики. Я, как и он, связываю ее с процессами в постмодернистском и деконструктивистском мышлении. Я, однако, не так уверен, как Флетчер, в утопической ценности этой поэтики.

В эпоху романтизма и позже «вещь», которую мы называем природой, становится способом исцеления того, чему современное общество нанесло ущерб²⁹. Природа подобна другому изобретению романтической эпохи, а именно *эстетическому*. Согласно логике романтизма, нанесенный ущерб состоял в отделении субъектов от объектов, так что люди оказались безнадежно отчуждены от своего мира. Контакт с природой и с эстетическим должен был позволить восстановить мост между субъектом и объектом. Романтизм видел в этом сломанном мосте печальный факт философской и социальной жизни. Философия после Канта — Шел-

27. Адорно Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2002. С. 97.

28. Fletcher A. A New Theory for American Poetry: Democracy, the Environment, and the Future of Imagination. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. P. 122–123.

29. Williams R. Culture and Society: Coleridge to Orwell. L.: Chatto and Windus, 1958; repr.: L.: The Hogarth Press, 1987.

линг и Гегель в Германии, Кольридж в Англии — часто желает *примирения* субъекта и объекта. Если они встретятся при правильных обстоятельствах, то сразу же поладят друг с другом. Субъект и объект требуют определенной среды, в которой они могли бы воссоединиться. Так родились особые сферы искусства и природы, то есть новые секулярные церкви, в которых субъект и объект могут заново заключить брак³⁰.

Все это зависит от того, были ли вообще когда-то у субъекта и объекта отношения; и от того, *есть* ли, собственно, такие вещи, как субъект и объект, что приводит нас к центральному узлу, главной проблеме, поставленной некоторыми формами утопического экологического искусства. Если субъект и объект на самом деле реально не существуют, с какой стати стараться их примирить? А если они существуют, почему какое-то новое единение этой пары будет лучше того, что есть у нас сейчас? Будет ли это единение отличаться от субъект-объектного дуализма, который нас беспокоит? Если бы решение субъект-объектного дуализма было настолько простым, что сводилось бы к необходимости одуматься, тогда почему этого до сих пор не удалось достичь в тех бесчисленных текстах, которые именно на это и нацелены? Если решение — это просто какое-то чувство среды, тогда *чем* именно она является, если она не «вокруг» чего угодно? Не сведется ли она опять к субъекту или объекту?

Есть по крайней мере два способа рассмотреть эти досаждающие нам вопросы. Первый исследует представление о том, что нам надо «одуматься». Вместо того чтобы искать решение субъект-объектной проблемы, сгодится более парадоксальная стратегия. Она спрашивает о том, что проблематичного в самой проблеме. Если, по сути, *никакой проблемы нет* — если реальность действительно лишена овеществленных, жестких или концептуальных понятий субъекта и объекта, если мы сосуществуем в бесконечной паутине взаимозависимости, в которой нет ни границ, ни центра, тогда зачем нам вся эта экокритическая возня? Тогда, определенно, такая возня напоминает расчесывание зудящего места, которого нет — и которое самим этим расчесыванием как раз и создается. В таком случае одной из мишеней настоящей критики стали бы сами (эко)критические язы-

30. См., например: *Hughes T. Writing about Landscape//Poetry in the Making: An Anthology of Poems and Programmes from «Listening and Writing»*. L.: Faber and Faber, 1967. P. 74–86 (76).

ки — непрерывная элегия утраченного неотчужденного состояния, обращение к эстетическому измерению (опыта/восприятия), а не к этико-политическому праксису, воззвание к «решениям», часто антиинтеллектуальным, и т. д., — которые поддерживают зуд, пусть и более уточненным образом.

Второй подход — задаться вопросом: что, если проблема не столько в «наших головах», сколько «там», в социальной реальности? Что, если независимо от того, что мы о нем думаем, некоторые качества пугающего дуализма встроены в сам наш мир? В этом случае экокритика принимает протест против дуализма по крайней мере отчасти всерьез. Она видит в нем симптом болезни, которая была не идеей в наших головах, но идеологическим качеством функционирования мира.

Экокритика — это и правда критика; но она еще и «эко». Моя цель не в том, чтобы смеяться над безнадежными попытками воссоединить то, что никогда не могло быть разорвано, и не в том, чтобы дополнить экологическое мышление некой более модной формой веры, нигилистическим исповеданием того, что сгодится что угодно. Цель — укрепить энвайронментализм. Призыв к природе все еще обладает мощным риторическим эффектом. В ближайшие годы природа сохранит свою силу, по крайней мере в сравнении со всем остальным. Однако энвайронментализм не может быть в игре лишь на ближайший срок. Тот факт, что природа остается убедительным лозунгом, является симптомом того, как далеко мы *не* зашли, а не, наоборот, как далеко мы *зашли*.

«Экология без природы» может означать «экологию без понятия природы». Мышление, когда оно становится идеологическим, стремится скорее закрепиться в понятиях, а не делать то, что для него «естественно», а именно растворять то, что приняло форму. Экологическое мышление, которое не закрепилось, не остановилось на определенной конкретизации своего объекта, будет поэтому мышлением «без природы». Чтобы заниматься экокритикой, мы должны рассмотреть эстетическое измерение, поскольку эстетика была определена в качестве непонятной сферы, места, в котором наши идеи о вещах ослабевают и растворяются в воздухе. По Адорно, «то сияние, которое сегодня излучают произведения искусства, накладывающие табу на всяческое утверждение, представляет собой проявление *ineffable* средствами утверждения, восхождения несуществующего,

выглядящего так, словно оно на самом деле существует»³¹. Искусство наделяет непонятное иллюзорной видимостью формы. Такова цель экологической литературы: заключить в себя утопический образ природы, которая на самом деле не существует, ведь мы ее уничтожили, и которая недостижима для наших понятий. С другой стороны, непонятный образ может быть убедительной точкой притяжения для интенсивной понятийной системы — а именно идеологической. Плотная бессмысленность литературы о природе обладает силой гравитационного притяжения.

Также эстетическое — это продукт дистанции: людей — от природы, субъектов — от объектов, сознания — от материи. Не является ли оно тогда подозрительно антиэкологическим? Это вопрос для обсуждения Франкфуртской школой. В известном описании эстетической ауры у Беньямина и правда используется экологический образ³². Герберт Маркузе утверждает, что «Эстетический универсум — это *Lebenswelt*, от которого зависит освобождение потребностей и способностей свободы. Они не могут развиваться в среде, сформированной агрессивными импульсами и ради них, и также они не могут рассматриваться в качестве простого следствия нового комплекса социальных институтов. Они могут возникнуть только в коллективной *практике создания среды*»³³. Искусство могло бы помочь экологии моделированием среды, основанной на любви (эросе), а не смерти (танатосе), на какой, по Маркузе, стоит современный техно-промышленный мир. Маркузе использует термин *Lebenswelt* (жизненный мир), разработанный в феноменологии на основе романтической конструкции миров и сред, в которых размещается мыслящее сознание. Эта линия исследования связала вместе среду и эстетическое. Неудивительно то, что Маркузе представляет эстетическое в качестве «измерения». Он пишет: «Искусство раскрывает измерение, недоступное для другого опыта, измерение, в котором люди, природа и вещи более не подчинены закону установленного принципа реальности»³⁴. *Измерение*, как и само эстетическое, располагается где-то между объективным понятием (например, в математике) и субъек-

31. Адорно Т. Эстетическая теория. С. 337.

32. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 22–24.

33. Marcuse H. An Essay on Liberation. Boston: Beacon Press, 1969. P. 31. См.: Luke T. W. Marcuse and the Politics of Radical Ecology // *Ecocritique*. P. 137–152.

34. Marcuse H. The Aesthetic Dimension: Toward a Critique of Marxist Aesthetics. Basingstoke: Macmillan, 1986. P. 72.

ективным опытом. Многие авторы, встречающиеся в данном исследовании, рассматривают эстетическое и природу так, словно бы они содержали одно-единственное, унифицированное измерение. Но даже если бы было более одного измерения, это бы не решило проблем этого безусловно пространственного способа мышления. Независимо от того, сколько измерений существует, измерение — это нечто такое, в чем мы находимся — или не находимся, а это предполагает дихотомию внутреннего и внешнего, то есть именно то, что еще только предстоит установить.

Адорно не так уверен, как Маркузе. С его точки зрения, эстетическое полезно тем, что отдаляет нас от того, что мы обычно разрушаем, когда к нему приближаемся:

Дистанция, отделяющая эстетическую сферу от области практических целей, с внутриэстетической точки зрения представляется тем расстоянием, которое пролегает между эстетическими объектами и созерцающим субъектом; как произведения искусства не могут проникнуть в него, так и он не может «войти» в них, дистанция есть первое условие приближения к содержанию произведений. Это отражено в кантовском понятии незаинтересованности, которое требует от эстетического поведения, чтобы оно не «хватало» объект, не «проглатывало» его³⁵.

В этом смысле эстетическое отстаивает ненасилие по отношению к природе. Искусство — пространство не столько положительных качеств (эрос), сколько негативных: оно не дает нам разрушать вещи, пусть хотя бы на мгновение. С другой стороны, по Беньямину, эстетическое в своем дистанцировании отчуждает нас от мира. Нам нужна тогда своего рода антиэстетическая стратегия. Ее образец Беньямин находит в эпохе технической воспроизводимости, когда мы можем загрузить mp3-запись «Пасторальной» симфонии Бетховена или же разослать фотокопии пейзажей³⁶.

Все еще неясно, должны ли мы бежать от эстетического ради создания освободительной и экологической художественной практики, или же оно является неизбежным фактом жизни, который снова и снова появляется во все более утонченных обличьях именно тогда, когда мы думаем, что ушли от него. Мы могли бы сказать, что есть различие между

35. Адорно Т. Эстетическая теория. С. 443.

36. Беньямин В. Указ. соч.

эстетическим и эстетизацией³⁷. Но это довольно романтическое различие. Оно напоминает представление о «хорошей» эстетике и «плохой». Первая хорошая, поскольку она сопротивляется объективации или превращению в товар, хотя бы потому, что она иронически интериоризирует в самой себе процесс коммодификации.

Рассмотрение эстетики жизненно важно, поскольку эстетическое переплетается с представлением об окружающей среде или мире. Идея «хорошей» эстетики основана на представлении о том, что есть некое внутреннее благо в восприятии, которое не схватывается и не извращается процессом эстетизации. В каком-то смысле это *должно* быть так! Иначе было бы практически невозможно увидеть трещины в чем-либо эстетическом строении, не было бы ясных глаз, которые могли бы увидеть то, что король — голый. Эко-критика не желает давать этой ясности имя, опасаясь того, что оно станет еще одним ослепляющим искусством-религией. Несмотря на видимость колкой негативности, Адорно на самом деле романтик, поскольку он думает, что все может быть иначе, что искусство шепчет, что так и есть, даже когда оно орет о том, что было политически скомпрометировано. Тогда как Беньямин, похоже, готов посмотреть, куда приведут отдельные художественные практики, несмотря на его неприятие эстетической ауры. Поэтому он романтик другого, экспериментаторского и конструктивистского типа, который видит в эстетическом не прописанную программу действий, а политический «загрузочный диск»³⁸. Похоже, что даже на своем метакритическом уровне данное исследование ограничено романтизмом, который оно пытается описать. Остается увидеть, больше ли вещей на небесах и на земле, чем было представлено в грезах романтической экологии.

Вы должны сначала попасть туда, откуда хотите выбраться

Экологическая культура считается мягкой и органической, старомодной и китчевой, тогда как технокультура — жесткой, холодной и электронной. Но есть поразительные свя-

37. Kaufman R. Red Kant, or the Persistence of the Third Critique in Adorno and Jameson // *Critical Inquiry*. 2000. № 26. P. 682-724.

38. Ibid. P. 711.

зи между надвигающейся экологической катастрофой и появлением виртуальной реальности. Связи эти обусловлены не содержанием, а формой, и именно они открывают эпистемологические вопросы: как мы можем знать то, что мы знаем, и как мы можем проверить то, что знаем? И виртуальная реальность, и экологическая паника связаны с иммерсивным опытом, в котором наша обычная точка отсчета или же иллюзия ее наличия утрачивается. Мы говорим самим себе, что старым способам мышления нельзя доверять. Они, собственно, и поспособствовали тому, что мы попали в столь затруднительную ситуацию. В виртуальной реальности становится невозможным рассчитывать на идею «дистанции». Мы чувствуем, что не можем достичь критической позиции, что мы, наоборот, растворяемся в психотическом аквариуме галлюцинаторного небытия. Отчасти эта паника обусловлена свывканием с представлением о том, что «метаязыка не существует», то есть нет внешней для означающей системы точки, из которой можно было бы вынести о ней суждение; более того, сама идея такой точки — одна из иллюзий, которые означающая система обуславливает и поддерживает. Виртуальная реальность и экологическое бедствие указывают на суровую истину: у нас *вообще никогда не было такой внешней позиции*. Славой Жижек заметил, что в этом скрывается целительный эффект, по крайней мере когда речь идет об осмыслении виртуальной реальности³⁹. Сегодня мы должны найти способы со всем разобраться этически и политически, но без страховки дистанции.

Мы теряем контакт с несуществующим мерилom. Один из симптомов этого — подтачивающая нас мысль о том, «как далеко» в виртуальную реальность или экологическое бедствие мы уже «зашли» — действительно ли катастрофа еще только надвигается или мы уже «внутри» нее? Сама обеспокоенность тем, внутри мы или вне, становится симптомом того, как далеко *внутри* мы зашли, — само различие внутреннего и внешнего начало подтачиваться этим образом мысли. И не только это, но и иллюзорное мерило, представленное современными способами совершения открытий, технологии и категоризации, было, похоже, отчасти ответственно за наше погружение в токсичную панику. Утопизм квантовой теории — «Смотри! Мое сознание способно влиять на материю!» — лишь оборотная сторона более чем реальной

39. Zizek S. The Indivisible Remainder: An Essay on Schelling and Related Matters. L.: Verso, 1996. P. 194.

погруженности господствующего сознания в мир, над которым оно властвует. Представление о том, что мы не можем изъять самих себя, не говоря уже о том, чтобы достичь нарциссического опыта, по определению блаженного, вызывает чувство пугающей потери ориентиров. «Читаешь это в газетах / слышишь в новостях / Немногие слушают / Накипь без взгляда» (*Public Image Limited*, «Don't Ask Me») ⁴⁰.

Мысль об утоплении в эпистемологическом море, столь же токсичном, как и наполненное ртутью реальное море, весьма неприятна. Значит, мы обречены на безумие? Романтическое искусство, увлеченное погружением и в то же время странной вещью под названием природа, может нам кое-что подсказать. Функция *романтической иронии* в том, чтобы показать, насколько сильно рассказчик, который, как считается, находится рядом со своим нарративом, на самом деле растворяется в нем, становится его частью и теряет от него отличие. Поскольку мы во многих важных отношениях все еще живем в романтическую эпоху, будет крайне полезным рассмотреть то, как романтическая поэтика обращалась с идеями погружения.

Так называемый экологический кризис, который одновременно является и кризисом разума, безотлагателен в силу того, что он связан с нашим физическим выживанием. Если бы это был вопрос лишь виртуальной реальности, мы могли бы представить, что в худшем сценарии мы бы по крайней мере остались в живых, пребывающими в психозе, но живыми. Когда иммерсивный мир еще и токсичен — когда это вопрос не просто феноменов, появляющихся на экране, но и химикатов, проникающих в наши клетки, — ставки повышаются. Все это нисколько не забавно, и это уж точно не просто интеллектуальное упражнение. Дезориентацию в виртуальной реальности, — когда мы задаемся вопросом о том, как далеко мы погрузились в мир без метаязыка, — лучше всего сравнить с дезориентацией глобального потепления — это в точности те же вопросы, с добавкой разве что смерти и разрушения. Уже случившееся экологическое бедствие похоже на беспокойство по поводу виртуальной реальности — по поводу того, что мы утонем в психотическом супе, в котором не сможем отличать одно от другого, — но вот только оно включает возможность нашей собственной смерти. Очень сложно привыкнуть к идее о том, что катастрофа не наступает, *она уже произошла*.

40. *Public Image Limited*. The Greatest Hits, So Far. Virgin, 1990.

Библиография

- Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003.
- Адорно Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2002.
- Веньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избр. эссе. М.: Медиум, 1996. С. 22–24.
- Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М.: Искусство, 1979.
- Вордсворт У. Строки, написанные на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства при повторном путешествии на берега реки Уай//Избр. лирика. М.: Радуга, 2001.
- Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000.
- Гегель Г.В.Ф. Эстетика. М.: Искусство, 1986. Т. 1.
- Деррида Ж. Насилие и метафизика//Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 126–250.
- Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994.
- Латур Б. Политики природы: как привить наукам демократию. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Локк Дж. Опыт о человеческом разумении//Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1.
- Мильтон Дж. Потерянный рай. Возвращенный рай. М.: Наука, 2006.
- Уайльд О. Критик как художник. М.: РИПОЛ классик, 2017.
- Canguilhem G. The Normal and the Pathological. N.Y.: Zone Books, 1991.
- Casey E. The Fate of Place: A Philosophical History. Berkeley, CA: University of California Press, 1997.
- Derrida J. How to Avoid Speaking: Denials//Languages of the Unsayable: The Play of Negativity in Literature and Literary Theory/S. Budick, W. Iser (eds). Stanford, CA: Stanford University Press, 1996. P. 3–70.
- Ferry L. The New Ecological Order. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Fletcher A. A New Theory for American Poetry: Democracy, the Environment, and the Future of Imagination. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
- Fritzell P. Nature Writing and America: Essays upon a Cultural Type. Ames: Iowa State University Press, 1990.
- Gatta J. Making Nature Sacred: Literature, Religion, and Environment in America From the Puritans to the Present. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Haraway D. The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2003.
- Hothem T. The Picturesque and the Production of Space: Landscape Description in an Age of Fiction. PhD diss., University of Rochester, 2003.
- Hughes T. Writing about Landscape//Poetry in the Making: An Anthology of Poems and Programmes from “Listening and Writing”. L.: Faber and Faber, 1967. P. 74–86.
- Israel J. Radical Enlightenment: Philosophy and the Making of Modernity 1650–1750. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 157–327.
- Jameson F. Globalization and Political Strategy//New Left Review. 2000. № 4. P. 49–68.
- Kaufman R. Red Kant, or the Persistence of the Third Critique in Adorno and Jameson//Critical Inquiry. 2000. № 26. P. 682–724.
- Luke T. W. Ecocritique: Contesting the Politics of Nature, Economy, and Culture. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.
- Luke T. W. Marcuse and the Politics of Radical Ecology//Ecocritique: Contesting the Politics of Nature, Economy, and Culture. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. P. 137–152.
- Marcuse H. An Essay on Liberation. Boston: Beacon Press, 1969.

- Marcuse H. *The Aesthetic Dimension: Toward a Critique of Marxist Aesthetics*. Basingstoke: Macmillan, 1986.
- Phillips D. *Ecocriticism, Literary Theory, and the Truth of Ecology*//*New Literary History*. 1999. Vol. 30. № 3. P. 577–602.
- Public Image Limited. *The Greatest Hits, So Far*. Virgin, 1990.
- Scarry E. *On Beauty and Being Just*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.
- Simpson D. *Romanticism, Nationalism and the Revolt against Theory*. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
- Williams R. *Culture and Society: Coleridge to Orwell*. L.: Chatto and Windus, 1958.
- Williams R. *Culture and Society: Coleridge to Orwell*. L.: The Hogarth Press, 1987.
- Williams R. *Nature*//*Keywords: A Vocabulary of Culture and Society*. L.: Fontana Press, 1988. P. 219–224.
- Williams R. *Ecology*//*Keywords: A Vocabulary of Culture and Society*. L.: Fontana Press, 1988. P. 110–111.
- Žižek S. *The Indivisible Remainder: An Essay on Schelling and Related Matters*. L.: Verso, 1996.

Ecocriticism

Timothy Morton. William Marsh Rice University (Rice University), Houston, USA, tbm2@rice.edu.

The task of the author's project "ecology without nature" is to use deconstruction to counteract prevailing normative ideas about nature for the sake of sentient beings suffering under catastrophic environmental conditions. Timothy Morton sees in the very idea of nature itself one of the obstacles to truly ecological politics, ethics, philosophy, and art. He calls for a thorough study of how nature is defined as a transcendental, unified and independent category. The study of how art represents the environment makes it possible to see that "nature" is an arbitrary rhetorical construct, devoid of a truly independent existence outside or beyond texts about nature. The rhetoric of nature itself depends on an ambient poetics, that is directed toward the evocation of the surrounding atmosphere or the world through text. Morton shows that people at different periods of time put various ideological meanings into the concept of "nature"; the historicization of this poetics makes obvious its vacuity of inner being and independent value. The history of ambient poetics depends on certain forms of identity and subjectivity, which are also historical. Without stopping at historicization, the author calls for the politicization of ecological art and the use of the rhetorical effect of "nature" as a slogan in order to strengthen environmentalism. The ecological thinking that Morton calls for does not operate with "nature" as a kind of ready-made, ideological concept and thus emerges as an ecology "without nature". On the other hand, a non-conceptual image in environmental literature can be a convincing point of attraction for an intensive conceptual system—namely, an ideological one.

Keywords: *ecocriticism; "ecology without nature"; ambient poetics; deconstruction; romanticism.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-4-34-61

References

- Adorno Th. *Esteticheskaya teoriya* [Ästhetische Theorie], Moscow, Respublika, 2002.
- Adorno Th. *Negativnaya dialektika* [Negative Dialektik], Moscow, Nauchnyi mir, 2003.

- Benjamin W. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti. Izbr. esse* [Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. Selected Essays], Moscow, Medium, 1996.
- Burke E. *Filosofskoe issledovanie o proiskhozhdenii nashikh idei vozvyshennogo i prekrasnogo* [A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful], Moscow, Iskusstvo, 1979.
- Canguilhem G. *The Normal and the Pathological*, New York, Zone Books, 1991.
- Casey E. *The Fate of Place: A Philosophical History*, Berkeley, CA, University of California Press, 1997.
- Derrida J. How to Avoid Speaking: Denials. *Languages of the Unsayable: The Play of Negativity in Literature and Literary Theory* (eds S. Budick, W. Iser), Stanford, CA, Stanford University Press, 1996, pp. 3–70.
- Derrida J. Nasilie i metafizika [Violence et métaphysique]. *Pis'mo i razlichie* [L'écriture et la différence], Moscow, Akademicheskii proekt, 2000, pp. 126–250.
- Ferry L. *The New Ecological Order*, Chicago, University of Chicago Press, 1995.
- Fletcher A. *A New Theory for American Poetry: Democracy, the Environment, and the Future of Imagination*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2004.
- Fritzell P. *Nature Writing and America: Essays upon a Cultural Type*, Ames, Iowa State University Press, 1990.
- Gatta J. *Making Nature Sacred: Literature, Religion, and Environment in America From the Puritans to the Present*, Oxford, Oxford University Press, 2004.
- Haraway D. *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness*, Chicago, Prickly Paradigm Press, 2003.
- Hegel G.W.F. *Estetika* [Ästhetik], Moscow, Iskusstvo, 1986, vol. 1.
- Hegel G.W.F. *Fenomenologiya dukha* [Phänomenologie des Geistes], Moscow, Nauka, 2000.
- Hothem T. The Picturesque and the Production of Space: Landscape Description in an Age of Fiction. PhD diss., University of Rochester, 2003.
- Hughes T. Writing about Landscape. *Poetry in the Making: An Anthology of Poems and Programmes from "Listening and Writing"*, London, Faber and Faber, 1967, pp. 74–86.
- Israel J. *Radical Enlightenment: Philosophy and the Making of Modernity 1650–1750*, Oxford, Oxford University Press, 2001, pp. 157–327.
- Jameson F. Globalization and Political Strategy. *New Left Review*, 2000, no. 4, pp. 49–68.
- Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Kritik der Urteilskraft], Moscow, Iskusstvo, 1994.
- Kaufman R. Red Kant, or the Persistence of the Third Critique in Adorno and Jameson. *Critical Inquiry*, 2000, no. 26, pp. 682–724.
- Latour B. *Politiki prirody: kak privit' naukam demokratiyu* [Politiques de la nature: Comment faire entrer les sciences en démocratie?], Moscow, Ad Marginem Press, 2018.
- Locke J. *Opyt o chelovecheskom razumenii* [An Essay Concerning Human Understanding]. *Soch.: v 3 t.* [Works: In 3 vols], Moscow, Mysl', 1985, vol. 1.
- Luke T.W. *Ecocritique: Contesting the Politics of Nature, Economy, and Culture*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1997.
- Luke T.W. Marcuse and the Politics of Radical Ecology. *Ecocritique: Contesting the Politics of Nature, Economy, and Culture*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1997, pp. 137–152.
- Marcuse H. *An Essay on Liberation*, Boston, Beacon Press, 1969.
- Marcuse H. *The Aesthetic Dimension: Toward a Critique of Marxist Aesthetics*, Basingstoke, Macmillan, 1986.
- Milton J. *Poteryannyyi rai. Vozvrashchyonnyy rai* [Paradise Lost. Paradise Regained], Moscow, Nauka, 2006.
- Phillips D. Ecocriticism, Literary Theory, and the Truth of Ecology. *New Literary History*, 1999, vol. 30, no. 3, pp. 577–602.

- Public Image Limited. *The Greatest Hits, So Far*, Virgin, 1990.
- Scarry E. *On Beauty and Being Just*, Princeton, NJ, Princeton University Press, 1999.
- Simpson D. *Romanticism, Nationalism and the Revolt against Theory*, Chicago, University of Chicago Press, 1993.
- Wilde O. *Kritik kak khudozhnik* [The Critic as Artist], Moscow, RIPOL klassik, 2017.
- Williams R. *Culture and Society: Coleridge to Orwell*, London, Chatto and Windus, 1958.
- Williams R. *Culture and Society: Coleridge to Orwell*, London, The Hogarth Press, 1987.
- Williams R. Ecology. *Keywords: A Vocabulary of Culture and Society*, London, Fontana Press, 1988, pp. 110–111.
- Williams R. Nature. *Keywords: A Vocabulary of Culture and Society*, London, Fontana Press, 1988, pp. 219–224.
- Wordsworth W. Stroki, napisannye na rasstoyanii neskol'kikh mil' ot Tinternskogo abbatstva pri povtornom puteshestvii na berega reki Uai [Lines Composed a Few Miles Above Tintern Abbey, On Revisiting the Banks of the Wye During a Tour]. *Izbr. lirika* [Selected Lyrical Poems], Moscow, Raduga, 2001.
- Žižek S. *The Indivisible Remainder: An Essay on Schelling and Related Matters*, London, Verso, 1996.